

Предложение Меттерниха было бессмысленным, за исключением его сторонников, в то время как другие, казалось, не слышали его.

В это время отменять крепостное право было рискованно. Даже если это была небольшая ошибка, и весьма вероятно, что местная знать поднимет восстание.

На протяжении всей истории всегда было легко отнестись к чужим интересам, но трудно отказаться от своих.

Более того, чтобы восстановить доверие к рынку, нужно было сделать гораздо больше, чем просто отменить крепостное право. Например, также необходимо было отменить ряд привилегий дворянского сословия и, возможно, даже перераспределить их землю. Иначе откуда взялась бы покупательная способность крепостных?

Только отменив эту серию неблагоприятных для экономического развития ограничений, еще больше снизив стоимость товарооборота и освободив гораздо больший рынок, эта страна могла бы избавиться от экономического кризиса.

Такая большая уступка, даже если некоторые соглашались на нее, могла не иметь никакого значения: благородный класс было невозможно объединить.

Об отмене крепостного права можно было говорить, но о разделе их земель для них было просто невозможно договориться. Тем не менее, возможно, достаточно денег можно было бы собрать их вокруг стола.

Еще можно было отменить привилегии знати, но на это потребуется время, шаг за шагом, и любой, кто хотел решить это одним быстрым ударом, мог только потерпеть неудачу.

Другой вариант заключался в том, что продуктивность земли могла быть и дальше повышена, а правительство могло заплатить, чтобы выкупить их землю. Пока армия все еще находилась под контролем знати, применять принудительные меры было невозможно.

Меттерних, конечно, не осмеливался использовать эти радикальные средства; в лучшем случае он только отменит крепостное право и освободит производительные силы народа.

«Премьер-министр, если мы объявим об отмене крепостного права сейчас, может быть, завтра вы получите известие о независимости Венгрии!» - неуважительно сказал эрцгерцог Луи.

Отмена, на которой настаивал Меттерних, все еще была плодотворной: к 1848 году многие австрийские дворяне освободили крепостных.

Однако эта ситуация была ограничена основным районом Австрии. Правительство Вены было относительно строгим по отношению к местным властям. После того, как был издан приказ об отмене, правительство проделало большую работу для дворян.

Это также было причиной того, что Меттерних не был популярен: многие австрийские дворяне, включая королевскую семью, были вынуждены освободить крепостных, чтобы сохранить свою честь.

Местная знать была другой. Они, как и местные императоры, часто принимали документы центрального правительства в качестве туалетной бумаги, поэтому у правительства Вены не было решимости придерживаться своего решения.

В некоторых случаях премьер-министр Меттерних даже использовал отмену крепостного права, чтобы запугать венгерскую знать и заставить ее пойти на политические уступки.

Отмена крепостного права в то время действительно могла удовлетворить капиталистов; однако проблема заключалась в том, что венгры собирались восстать, и восстания могли произойти и в других регионах.

О том, что правительство должно выплатить компенсацию за потерю дворян, не могло быть и речи. В то время финансы центрального правительства Австрии едва ли можно было сбалансировать, а если и был профицит, то он уходил в карманы капиталистов.

«Господа, мы можем обсудить этот вопрос позже. Теперь мы должны сначала решить насущную проблему; иначе будет поздно!» Франц Антон фон Кололат Либстинский прервал спор между ними.

Австрийский регентский комитет состоял из четырех человек: Меттерниха, эрцгерцога Людовика, эрцгерцога Франца Карра и Кололата, но эрцгерцог Франц Карр не имел абсолютно никаких политических амбиций. (В основном это было из-за врожденных пороков и невозможности участвовать в политике.)

В политике Кололат и Меттерних были конкурентами, но конкуренты не могли сотрудничать, и в большинстве случаев их политические взгляды были одинаковыми.

Даже если они противостояли друг другу ради противостояния, борьба между ними не доходила до грани жизни и смерти. Например, в тот момент политические предложения Кололата и премьер-министра Меттерниха были очень похожи.

Однако, как политический противник, он не мог помочь Меттерниху. Может быть, это был самый большой подарок, чтобы не усугубить его проблемы.

Видя, что даже эрцгерцога Людовика нельзя переубедить, Меттерних беспомощно вздохнул.

«Если даже вы не согласны, местная знать наверняка не согласится».

Как только местное восстание было вызвано отменой крепостного права, это было похоже на открытие новой банки с червями.

Меттерних не смог вынести такую большую политическую катастрофу в одиночку; Регентскому комитету, по крайней мере, нужно было сражаться вместе. Им удалось сгладить трудности.

«Ну, тогда сначала арестуйте их!»

Приняв это неохотное решение, Меттерних почувствовал себя очень подавленным. Он знал, что у самих капиталистов нет выхода.

Если не удастся разрешить экономический кризис, они обанкротятся. Чтобы избежать банкротства, им придется нарушить общественный порядок.

Их коллеги во Франции показали пример, сокрушив кризис революцией и сняв оковы, ограничивавшие экономическое развитие капитализма.

Например, воспользовавшись возможностью революции, банкиры были полностью

уничтожены, и долг, естественно, исчез.

Без долгов никто не боялся копить товары или, по крайней мере, медленно их продавать. Без займов в банках никто бы не обанкротился.

Более того, они могли позволить государству платить за них, платить за покупку их товаров и переложить кризис на правительство.

Это сделали их американские коллеги. Конечно, они пошли еще дальше: государство платило не за покупку их товаров, а за спасение рынка.

Разорванная цепочка капитала была восстановлена, а экономический кризис отложен, так что у всех было время отступить, и, наконец, пострадали козлы отпущения.

Австрия еще не достигла такого уровня. До отмены крепостного права капиталисты не могли найти даже козлов отпущения. Они слишком сильно эксплуатировали рабочий класс, и они не могли быть козлами отпущения.

Тогда фондовый рынок в Вене был просто игрой для богатых, у бедных не было даже квалификации, чтобы открыть счет.

В то время все операции на фондовом рынке осуществлялись вручную, поэтому стоимость рабочей силы также была очень высокой. Несколько австрийских шиллингов не хватило бы даже на оплату труда приемной, и, естественно, бедняки не могли открыть счет.

...

После того, как правительство Вены вышло из распрей, тайная полиция была отправлена в ночное время и начала арестовывать организаторов демонстраций.

Очевидно, это было неумное решение. Организаторы, которые появились на публике, были просто ничтожествами, а лидеры не могли двигаться вперед.

Проще всего было найти представителей студентов. В Вене было всего несколько университетов, и их адреса были совершенно очевидны. Однако никто не хотел заниматься этой работой.

В Ворота Венского университета пройти было непросто. Будучи рассадником антиправительственных сил, большинство невежественных подростков были против правительства, а остальные были реформистами знати.

У шерифа Уинстона болела голова, подозреваемые находились в школе перед ним, но он не мог даже пройти через ворота. Не было никаких сомнений в том, что университет сопротивлялся правительственному принуждению.

Однако влияние университета было слишком велико, а влияние нахлынувшего насилия было слишком серьезным. Среди учителей и студентов не было обычных людей, чье семейное прошлое, как минимум, состояло из мелких бизнесменов, юристов и врачей.

Рабочий класс был настолько беден, что не мог позволить себе обучение, и, конечно же, крестьяне, большинство из которых были крепостными, тоже.